

18+

Oks Ivgi

Юные Сердца

...Прощайте! И не пытайтесь
меня искать,
Я больше не стану
позорить ваш славный род!
Не стану порочить имя
покойного отца.
Блудный сын Рафаэль...

Так сложились звёзды

Oks Ivgi
**Юные сердца. Так
сложились звёзды**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72068533

ISBN 9785006727960

Аннотация

Веками тайны плетут свою паутину. На фоне кровопролитной Столетней войны, в туманных землях Англии 14 века, зарождается невероятная история любви. Адэлла и Рафаэль, выросшие как брат и сестра, не ведают о своей истинной судьбе. Но ведь звёздам не прикажешь. В мире, где каждый шаг может стать роковым, они дерзко бросают вызов устоям и предрассудкам. Их чувства – это нежный шепот в завывающей буре битв, их стремление к счастью – всепоглощающее пламя.

Содержание

Пролог	5
1 часть «Шаги в бреду». Англия, 1368—1386 гг.	12
1 глава «Фиджеральд Парк»	13
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Юные сердца Так сложились звёзды

Oks Ivgi

Иллюстратор jayflow GPT-4o

© Oks Ivgi, 2025

© jayflow GPT-4o, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0067-2796-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Хитер лежала, укутавшись в простыню из грубой деревенской материи. Рядом, развалившись по-барски, спал граф Фиджеральд. Девушка окинула его взглядом и осторожно встала с кровати. Храп мужчины изредка нарушал тишину комнаты. Стройные ноги Хитер почти неслышно ступали по холодным половицам.

– Ты куда?

Девушка вздрогнула от неожиданности.

– Я спрашиваю, – повторил граф, – куда ты собралась? Я же заплатил тебе за всю ночь! Изволь повиноваться. Я приказываю тебе остаться!

Хитер подчинилась ему. Она покорно вернулась в смятую постель. Фиджеральд повелительно притянул девушку к широкой мускулистой груди. Руки графа причиняли Хитер боль.

– Отпустите меня, – еле слышно произнесла она. – Мне больно, – на глазах навернулись слёзы.

Льюис ослабил хватку. Тело девушки содрогнулось. Лицо графа исказила гримаса негодования.

– Какого чёрта ты ноешь! – зарычал он. – Или тебе не нравится? Запомни, я заплатил тебе деньги, и ты должна их отработать!

Фиджеральд грубо запрокинул голову Хитер. Его серо-зе-

лѐные холодные глаза встретились с её чѐрным бархатистым взглядом.

В это мгновение по телу девушки пробежал неприятный холодок. На лице Льюиса нельзя было прочесть

ничего, кроме упрямой гордыни и злого тщеславия. Он смотрел на Хитер, как на аппетитный кусок мяса, приготовленный специально для него. Руки графа стальными тиска-ми сжали затылок девушки, а губы впились в её нежную лебединую шею.

– Льюис, – почти бесшумно взмолилась бедняжка, – мне больно! Отпусти, пожалуйста! Ради Рафаэля! Ради твоего сына!

Граф разжал пальцы. Хитер тут же вскочила с постели и отбежала на безопасное расстояние. Она с ненавистью смотрела на равнодушно-надменное лицо Фиджеральда.

– Только не надо скулить, – холодно произнёс он. – Я ничего такого не сделал. Подумаешь, хотел немного развлечься.

– Так иди и развлекайся со своей жѐнушкой, а меня оставь в покое! – наконец собралась с духом Хитер. – Льюис, позволь мне с сыном уехать из этого города. Позволь нам вернуться на мою родину, в Венецию.

Граф смерил её ледяным взглядом.

– Нет, – процедил он сквозь зубы. – Ты можешь проваливать на все четыре стороны, но Рафаэль останется со мной. Он как-никак мой сын. Он Фиджеральд!

– Но графиня никогда не позволит привезти его в замок! Она его возненавидит! – старалась образумить графа Хитер, но тот остался непреклонен.

– Меня абсолютно не волнует, что об этом скажет Делия. В замке хозяин я, и она будет делать так, как угодно мне. А Рафаэль станет моим законным наследником.

Хитер хотела ещё что-то возразить, но Льюис не слушал её. Он быстро собрался и, швырнув на постель увесистый кошелёк, набитый золотом, вышел из комнаты.

Девушка осталась одна. Она подошла к маленькому окошку, которое выходило во двор и увидела, как Льюис поплотнее запахнул малиновый плащ и поспешил вскочить на чёрного как ночь жеребца Нарцисса. Он мчался во весь опор по направлению к своему имению, в Фиджеральд Парк. Когда силуэт скрылся из виду, Хитер облегчённо вздохнула и, поёжившись от холода, накинула на плечи шерстяное одеяло. В камине догорали сырые дрова, но от них было мало толку. От безжалостных пальцев графа на шее выступили синяки, всё тело ломило от грубых прикосновений.

Девушка с ужасом вспоминала их первую встречу. Фиджеральд был сильно пьян, еле стоял на ногах. Тем не менее, был в состоянии почти силой затащить её в постель. Льюис был несдержан, словно голодное животное. Но он много заплатил. Так повторялось раз за разом. Хитер надеялась, что он уснёт от переизбытка вина, но Льюис всегда был готов к плотским утехам. Её подруги по несчастью завидовали. Та-

кой интересный, молодой, щедрый аристократ. К тому же, производит впечатление первоклассного жеребца!

Вскоре Хитер забеременела, потом родила, а граф всё не оставлял девушку в покое. Каждый раз, когда Фиджеральд появлялся в таверне, выбирал её. Льюис и сам не знал, что же его так привлекло в этой совсем ещё девчонке. Возможно, причиной служило сходство девушки с одной особой, ранившей когда – то его сердце. После того, как Хитер родила мальчика, его счастьем не было предела, ведь Делия вот уже три года не могла подарить ему ребёнка, а Хитер явила свету Рафаэля, черноволосого, зеленоглазого и смугловатого мальчишку, маленькую копию графа.

Льюис мчался в Фиджеральд Парк. Его ничего не могло остановить: ни дождь, орошавший лицо холодными каплями, ни ветер, развевавший малиновое полотно плаща, ни физическая усталость. В замке его ждала Делия, с которой нужно было серьёзно поговорить о Рафаэле. Супруга ни за что не примет ребёнка. Она будет противиться. Но на этот раз ей придётся просто согласиться, потому что ОН – Граф того желает.

Фиджеральд ещё сильнее пришпорил Нарцисса. Жеребец пустился галопом по извилистой горной дороге, из-под копыт в разные стороны разлетались мокрая глина и грязь. Но Льюис не обращал на это внимания, он полностью погрузился в свои мысли. Лишь когда в свете заходящего солнца пред глазами предстали старинные серые стены Фидже-

ральд Парка, граф вновь вернулся к реальности. В просторном полутёмном холле замка его встретила Делия. Она стояла на лестнице. Янтарные глаза, обрамлённые длинными чёрными ресницами, печально наблюдали за мужем. Лицо, обычно румяное, покрылось болезненной бледностью. Каштановые волосы скрывала белая кружевная косынка.

– Добрый вечер, мадам, – нарочито церемонно произнёс Фиджеральд, вспоминая разгоревшуюся ссору, предшествующую его отъезду в Лондон. – Как вы себя чувствуете? Вам уже лучше?

Делия молча кивнула. Граф подошёл к ней и низко поклонился. Женщина ответила с той же холодной любезностью:

– Да, я чувствую себя лучше, вы напрасно волновались. – всё же удостоила его ответом графиня.

В этих словах была видна вся суть их отношений: они так и остались чужими друг другу. Ничто, кроме титулов не связывает их. Льюис возможно считал, что жена нужна только для того, чтобы производить на свет потомство, а Делия не разделяла такой позиции. В юности, когда о браке с представителем высшего сословия не было и речи, она испытывала нежные чувства к молодому Альфонсу, графу Вустеру, нынешнему другу Фиджеральда.

– Делия, мне надо с вами очень серьёзно поговорить, – начал беседу Льюис.

Графиня молча кивнула головой, тем самым предложив последовать за ней. Оказавшись в просторном пустующем

зале, Фиджеральд продолжил:

– Мне нужно кое – что вам сказать, – прозвучало угрожающе.

– Я вас слушаю. – ответила слегка дрогнувшим голосом Делия. – В чём дело?

– У меня есть сын. И я хочу привезти его в Фиджеральд Парк.

Такой наглости от этого человека, своего мужа, она не ожидала. Лицо ещё сильнее побледнело.

– Как ты смеешь? – наконец выдавила графиня из себя. – Как ты можешь мне это говорить?!!!

– А что в этом такого? – возмутился Фиджеральд. – Я мужчина, и имею право иметь детей. А раз собственная жена не может родить мне ребёнка, то я могу обратиться за помощью к кому-нибудь другому!

От этой бесчеловечности супруга Делии стало ещё больнее. Ей захотелось ударить его по лицу со всей силы, чтобы с него сошла наглая усмешка. Она замахнулась и залепила графу звонкую пощёчину. Хотела повторить вновь. Но Люис перехватил руку и оттолкнул жену так, что та упала на холодный каменный пол и разрыдалась, что было мочи. Сквозь всхлипывания, она сыпала на голову мужа всевозможные проклятия. Но он не собирался их слушать.

– Прекрати! – почти по-звериному зарычал Фиджеральд. – Я больше не желаю выслушивать твои претензии. Мне всё надоело. Я устал!!! Если тебя не устраивает моё ре-

шение, то можешь уходить Тебя никто не держит. В монастыре тебе будут рады. Там очень ценят таких послушных овечек, как ты.

Льюис даже не подозревал, как больно ранит этими словами Делию. Они, словно сотни острых кинжалов, в один миг вонзившихся в сердце, убивали её. Она готова была умереть, лишь бы больше не слышать этот самоуверенный голос. Подумать только, когда она ещё не была за ним замужем, то наивно полагала, что сможет его полюбить. Как же она ошиблась... От осознания этого, на душе стало ещё невыносимее. Когда граф вышел из зала, Делия процедила сквозь зубы с ненавистью:

– Я отомщу тебе, вот увидишь. Отомщу и тебе, и этому мальчишке. Пусть сейчас сила и власть на твоей стороне, но придёт время, и ты мне за все заплатишь. А не ты, так твой бастард! Я клянусь!

1 часть «Шаги в бреду».

Англия, 1368—1386 гг.

1 глава «Фиджеральд Парк»

Фиджеральд Парк утопал в зелени многовековых дубов. Он возвышался, словно огромный чёрный великан, в багряном зареве заката. Весна постепенно вступала в свои права, и хотя за стенами замка ещё бушевали пронизывающие холодом ветра, люди чувствовали приближение тёплых дней. Они с нетерпением ожидали, когда же воды Темзы согреет скупое английское солнце.

Графиня Фиджеральд молча лежала на атласных простынях в окружении множества подушек. Она наконец-то готова была подарить графу наследника или наследницу, и теперь все обитатели замка, в том числе и сам Льюис, сгорали от любопытства, кем же она разродится. Мужчина надеялся, что супруга даст их семье ещё одного сына. Но день родов все не наступал, и лекари начинали волноваться. Однако, сама роженица оставалась спокойной, ведь только ей одной была известна истинная причина этого. Дело было в том, что виновник чуда – не граф. Отцом ребёнка являлся Альфонс Вустер, её давний друг. Девять месяцев назад мужчина спас её от мучительного одиночества, согрел сердце и душу. Льюис ничего об этом не знал и был уверен, что именно он дал жизнь будущему сыну.

Рафаэлю, которого все считали сыном Делии, недавно исполнился один год и два месяца. Он был крепким мальчи-

ком и обещал стать храбрым воином, таким же, как его отец. Рафаэль рос чудесным ребёнком, но Делия все равно ничего не могла поделать со своей ненавистью к нему. Льюис принуждал супругу притворяться любящей матерью на людях. Женщина никак не могла осознать, что вина лежит на самом графе, который силой отнял мальчика у обезумевшей от горя и страха Хитер.

Фиджеральд любил сына всем сердцем, видел в нем продолжение себя. От матери Рафаэль не унаследовал ничего, кроме изящных рук с длинными тонкими пальцами. Льюис больше не вспоминал о Хитер после того, как безжалостно вырвал сына из её объятий и приказал свои людям отвезти девушку в ближайший монастырь и оставить её там навсегда.

Льюис вынудил жену поклясться на распятии в том, что она никогда, даже под пытками, не скажет никому правды о рождении Рафаэля. Но если все же нарушит слово, то граф своими руками убьёт её. Говоря об этом, он совсем не шутил. Делия заставляла себя молчать, так как знала, что все слуги, ставшие невольными свидетелями того, как муж привёз сына в замок, постепенно куда-то исчезли без следа. Графине было боязно последовать за ними. Во время военных действий её муж славился особой жестокостью. В подземельях замка, слышала женщина, можно встретить прикованные к стенам скелеты замученных голодом и жаждой несчастных. Делия изо всех сил старалась забыть, кто на самом деле является матерью этого мальчишки, но гордость не позволяла ей этого

сделать. Каждый раз, когда по утрам юная горничная с улыбкой на губах приносила в покои Рафаэля, она изображала на своём лице радость, когда внутри все клокотало от жгучей ненависти к безвинному мальчишке.

Совсем другое чувство Делия испытывала к тому ребёнку, который находился во чреве. Она уже всем сердцем любила его, и ни на минуту не сомневалась, что это плод истинной любви. Пусть недолго, но любовь была. Женщина чувствовала моральное удовлетворение от того, что Льюис будет считать чужого ребёнка своим. Но между супругами была лишь одна небольшая разница. Граф не знал, что жестоко обманут. Это огорчало Делию, но сказать правду она не решится, по крайней мере, сейчас.

«Ну ничего, не все сразу. Этот ребёнок обязательно отомстит за меня, я в этом уверена. Льюис, ты когда-нибудь узнаешь, что не отец, и тогда я вдоволь посмеюсь», – думала она, лёжа в окружении множества лекарей и повитух, крича от дикой боли. Но она почти перестала её чувствовать, когда увидела стоявшего рядом мужа. Граф только что приехал из Лондона и был взволнован. Лицо покрылось бледностью, руки дрожали. Делия лежала на огромной постели извиваясь в муках, и ему стало её жаль, пожалуй, впервые за все время их брака. Янтарные глаза испуганно смотрели на него, в них читалось что-то ещё, но конкретно граф понять не мог. В эти мгновения Делия чувствовала себя, как никогда, победительницей. Она опровергла все обвинения супруга. Она

беременна и через несколько минут явит свету новое существо. Женщина вся была преисполнена ожидания, и когда тишину огласил пронзительный крик, заплакала от счастья. По щекам покатались горячие слезы.

– Кто? – взволнованно спросил граф.

– Девочка, сэр, – ответила молодая девушка в белом накрахмаленном переднике, держа крошку чисто вымытыми руками.

Граф Фиджеральд осторожно взял младенца в свои крепкие руки и не отрываясь посмотрел на это прелестное личико с глазами, словно две большие золотые монеты. Сердце Льюиса дрогнуло, на лице расплылась умилённая улыбка.

– Как вы её назовёте? – тоже улыбаясь, спросила девушка. – Она наверняка станет истинной красавицей и гордостью вашей семьи. И стоит подобрать соответствующее имя.

– Я хочу назвать её в честь своей матери. Мне кажется, имя Адэлла ей прекрасно подойдёт. Ты согласна? – обратился он к Делии.

Та не смогла ничего произнести в ответ и лишь кивнула. Все её мысли в этот момент были лишь о дочери.

Так девочку и назвали. Через две недели её окрестили в семейной часовне Фиджеральдов. В этих стенах крестили, венчали и отпевали не одно поколение этого знатного рода. Делия очень полюбила свою малышку, в ней она увидела новый смысл своей жизни. Льюис тоже очень привязался к девочке, даже немного позабыв о Рафаэле. Но вскоре мальчик

напомнил о себе. Его нянька Брэнда внезапно тяжело заболела и не смогла продолжать ухаживать за своим подопечным. Тогда граф распорядился, чтобы Рафаэля и его сестру поместили в одних покоях, под присмотром няни дочери, Джини. В замке было необычайно холодно для весеннего времени, и детей положили в одну кровать. В камине догорали остатки дров, мальчик инстинктивно жался к малютке, чтобы согреть её и не замёрзнуть самому. Оба, свернувшись калачиками, спали под одним одеялом. Уже в раннем возрасте между братом и сестрой зарождалась привязанность друг к другу, настолько крепкая, что уже через несколько дней, когда маленькому графу нашли новую няню, он ни в какую не дал себя увести. Адэлла тоже подняла рёв. В конце концов, Джине было позволено ухаживать за ними обоими. Заботливая прислуга сразу заметила тесные отношения детей и не преминула рассказать об этом своей госпоже:

– Леди Делия, – слегка волнуясь, обратилась она к графине Фиджеральд, – ваша дочь очень привязалась к Рафаэлю. Они ни секунды не могут друг без друга.

Делия недовольно посмотрела на девушку и холодно произнесла:

– Вскоре это пройдёт, они слишком разные.

– Но ведь они брат и сестра, как они могут быть разными? – удивилась Джина.

– Не твоё дело, – коротко оборвала девушку Делия.

«Они разные, – подумала она про себя, – совершенно раз-

ные. Адэлла рождена не от Льюиса, она не унаследует его жестокость и самоуверенность. Её отец – добрый и справедливый Альфонс, она станет его копией». Делия подошла к распахнутому окну. Лицо обласкал свежий вечерний воздух. Сквозь лёгкий серебристый туман на неё взирала полная луна, заливая комнату холодным светом. Горничная потушила свечи и бесшумно вышла за дверь, оставив графиню наедине с собой.

– Милый мой Альфонс, – прошептала женщина в ночную тишину, – если бы ты знал, как я люблю тебя, то не оставил бы меня одну с этим чудовищем.

При упоминании графа, её голос стал жёстче:

– Я никогда не чувствовала себя такой одинокой, как сейчас. О, если бы ты только знал! – её слова становились все громче, но она уже не боялась, что кто-то услышит.

– Леди Делия, – прервала её Джина, личико которой вопросительно выглянуло из-за двери, – вы не хотите пожелать спокойной ночи малышам?

– Да, конечно, – ответила графиня, стараясь собраться с мыслями.

В комнату вошла горничная. В одной руке она держала спящую Адэлла, а другую крепко сжал Рафаэль, с трудом стоя на маленьких ножках.

– Вот кого я вам принесла! – с улыбкой сказала Джина. – А ну-ка, дети, покажите, как вы по мамочке соскучились.

Делия взяла дочь на руки и крепко прижала к груди.

– Деточка моя, – почти беззвучно прошептала она, – я так тебя люблю.

Она нежно поцеловала её в пухленькую щёчку и вернула горничной. Затем холодно прильнула к щеке приёмного сынишки. Вскоре Джина с детьми удалилась из покоев. Графиня снова осталась одна. Она готова была кричать во все горло от презрения к графу Фиджеральду. Больше не было сил скрывать эту ненависть. Все это давило на шею мёртвым узлом так сильно, что иногда казалось, что нечем дышать. Делию терзало желание наконец разрубить его, освободить душу от этих дьявольских пут.

Женщина отчётливо осознавала, что больше не может жить в этих стенах, но также понимала и то, что Льюис не отпустит её просто так. Выход только один – скрыться от него в Божьем доме. Только туда теперь может лежать её путь. Подальше от Фиджеральд Парка, его хозяина, соблазна супружеской измены, который, словно раскалённое железо, жёг её сердце. Подальше от Альфонса – её единственного любимого.

Делия зажгла тускло замерцавшую в ночной мгле свечу и торопливо начеркала на пергаменте несколько строк. Затем она раскрыла сундук из красного дерева, обитый золотыми лентами, и, взяв оттуда мужской плащ, почти бесшумно скользнула за дверь своих покоев. В галерее никого не было, лишь луна проливала свой свет в распахнутое настежь окно. Делия с тоской взглянула на неё и тяжело вздохнула.

Перед глазами вновь предстало прекрасное лицо Альфонса: бездонные карие глаза, тонкие черты лица, обрамлённые белокурыми прядями волос.

Делия твёрдо решила, что уйдёт в монастырь. Нужно лишь в последний раз увидеть дочь. Адэлла останется в замке. Здесь ей будет лучше, хоть и тяжело без матери.

– Доченька, – тихо проговорила она, в последний раз склонившись над спящей девочкой, – прощай.

Адэлла на мгновение открыла свои янтарные глаза. Лицо Делии показалось ей лицом доброй феи, и только много лет спустя она поймёт, что это была её мать. Пройдёт время, и Адэлла сумеет простить поступок самого близкого человека. Но это будет позже. А сейчас, девочка лишь улыбнулась вслед женщине.

Сердце Делии больно защемило и готово было разорваться пополам, но она нашла в себе силы закрыть дверь детских покоев. Графиня вышла во двор и тихо пробралась в конюшню, стараясь не попасться на глаза слугам и конюху. Делия взяла одну из лошадей и тихо вывела её за ворота замка. Когда Фиджеральд Парк остался позади, женщина облегчённо вздохнула, вскочила в седло и ударила ногами в бока лошади. Делия в последний раз взглянула на тёмные громады замка, ещё недавно служившего ей тюрьмой, а затемпустила животное по каменистой дороге в сторону Лондона. Там её ждал постриг. Она знала, что во что бы то ни стало сменит мирское имя и титулы на простой наряд невесты Христо-

вой. Графиня Делия Фиджеральд должна умереть этой ночью, но утром на свет появится новая женщина, сестра Делия. Сегодня она готова всецело посвятить себя Господу Богу.

Маленькая девочка тесно прижалась к спине отца, обвив его талию ручонками. Её каштаново-русые волосы развевал лёгкий августовский ветер, полуденное солнце обжигало кожу. Льюис с дочерью выехал из ворот Фиджеральд Парка.

– Адэлла, почему ты вся дрожишь? Чего ты так испугалась? – спросил граф.

– Она боится лошадей. Верховая езда не для неё, – насмешливо глядя на сестру снизу вверх, ответил Рафаэль.

– Я не боюсь лошадок, отец, они мне просто не нравятся, – пролепетала девочка. – А вот Рафаэль боится крови!

Адэлла тут же ощутила на себе злой взгляд брата.

– Она врёт! – возмутился тот. – Это неправда!

– А кто тогда весь позеленел, когда увидел, как служанка в курятнике отрубила голову курице? – не унималась сестра.

– Хватит уже! – попытался успокоить детей граф. – Давайте больше не будем об этом.

Его повелительный тон заставил замолчать обоих. Адэлла взглянула на Рафаэля, который показал ей кулак. Она в ответ – язык и рожки, как у коровы. Отец берет её с собой в Лондон, а Рафаэль остаётся в замке. Мальчику уже исполнилось пять лет. Он рос крепким малым, нежную кожу по-

крывал загар, черные непослушные кудри почти достигли плеч. Льюис довольно оглядел сына и пришпорил коня. Животное резво припустило по пыльной дороге и вскоре граф с дочерью скрылись из виду. Рафаэль же остался один на заднем дворе. Стражники, опустившие мост, вновь его подняли и ушли выполнять другую работу, чтобы к возвращению графа все его распоряжения были исполнены. Вокруг воцарилась тишина.

– Рафаэль! – вдруг нарушил её голос кормилицы. – Тебя повсюду ищет леди Исабель. Она очень хочет тебя видеть.

– Зачем я ей понадобился?

Мальчик был явно не в духе.

– Не могу знать, но леди не любит, когда её заставляют ждать, – настаивала Джина. – Ну, поторопись же, несносный мальчишка, или она прикажет наказать тебя.

– Нет, я её не люблю, она нам не мама!

– Рафаэль, она же твоя тётя, и ты обязан её слушаться. Ты должен.

– Ничего я не должен этой тётке, она мне не мать! – закричал он на няню, и не успела она опомниться, как мальчишка развернулся и побежал в замок.

Девушка кинулась за ним вдогонку, но поскользнулась на одной из ступеней и упала. В это время Рафаэль скрылся из виду. Не осталось никакой надежды разыскать его среди многочисленных башен, коридоров и потайных ходов замка. Лишь к ужину, если проголодается, он сам придёт на кухню,

чтобы попросить чего-нибудь вкусного, как это делают все дети в его возрасте.

Рафаэль нёсся вверх по винтовой лестнице, сердце бешено колотилось в груди.

– Она мне не мать! – сквозь слезы шептал он снова и снова. – Не мать! Я её не люблю, совсем не люблю! Она злая и некрасивая!

Мальчик сказал бы сейчас все что угодно, и это казалось бы ему чистой правдой. Все, кроме того, что она некрасива. Исабель была прекрасна. Большие, зелёные, слегка раскосые глаза обрамляли длинные ресницы. Черные брови подчёркивали их яркий, почти ядовитый цвет. Сестра графа, по словам многих, была самой красивой женщиной в королевстве.

Рафаэль остановился у незнакомой двери, которая оказалась не заперта. Он, съедаемый любопытством, открыл её. Несмазанные петли громко скрипнули. Внутри не было ни души, лишь тусклый солнечный свет пробирался сквозь решётку единственного маленького окошка. Мальчик огляделся. Его окружали серые каменные стены, такой же высокий свод и холодный пол. Это не жилая комната. Об этом говорило все: и холод, пронизывающий сквозь одежду, и темнота, давящая на нервы. Рафаэль уже собрался возвращаться, но вдруг увидел в углу ещё одну неприметную дверцу, она тоже не была закрыта до конца. Мальчик крадучись подошёл к ней и приоткрыл. Глаза не различали ничего, кроме непро-

нищаемой тьмы, но постепенно, где-то в её глубине, стало появляться едва заметное приближающееся свечение и слышались голоса.

– Надо будет следить за этим подземельем, иначе оно придёт в негодность.

– А зачем оно нужно графу? Оно же старое, здесь небезопасно...

Дальше Рафаэль слушать не стал, он поспешил уйти, чтобы не быть обнаруженным. Но для себя мальчик уже решил, что ночью придёт сюда вновь и спустится вниз, чтобы узнать, что это за подземелье и зачем оно нужно отцу.

Граф Фиджеральд остановил свою лошадь у большого красивого дома на узкой Лондонской улочке. Адэлла с интересом разглядывала все вокруг. Она впервые выехала за пределы замка. Девочка старалась запомнить каждый миг. Даже неприятный запах городских улиц в этот момент казался ей самым прекрасным ароматом – ароматом чего-то нового доселе неизведанного. Отец осторожно ссадил её с лошади на землю, и она последовала за ним, взяв его за руку. Адэлла еле поспевала за графом, но сердце готово было выпрыгнуть из груди от счастья.

Когда они оказались в просторном холле того самого дома, девочку поразила его роскошь. Стены были побелены до самого свода и украшены искусно вышитыми гобеленами и картинами. Девочка впервые увидела эти изображе-

ния в рамках. В Фиджеральд Парке такого не было. Следом, за картинами, ее внимание привлёк огромный камин. Адэлла подбежала к нему и подставила слегка озябшие ладошки. По телу пробежало приятное тепло. Она заворожённо смотрела на танец языков пламени и вздрогнула от неожиданности, когда холл огласил низкий голос хозяина.

– О, как я рад, что вы, граф, посетили моё скромное столичное жилище! Это такая честь для меня! А что это за прелестное создание греется у моего камина? Это ваша дочь?

Льюис кивнул.

– Да, Альфонс, это моя дочь. Мы приехали навестить тебя. Давно не виделись. В Фиджеральд Парке много дел, все никак не получалось вырваться из их плена. Ну, как ты живёшь?

Граф Вустер обнял гостя и, похлопав по плечу, ответил:

– Мои дела, как всегда, идут потихоньку. В Лондоне такая скукота, я умираю здесь от тоски и безмерно тебе благодарен за то, что приехал приободрить меня.

Альфонс пригласил графа с дочерью проследовать за ним в гостиную. Там тоже было светло и очень красиво. Адэлла с восхищением смотрела на огромный дубовый стол, заставленный всевозможными яствами. Их аромат приятно щекотал ноздри и вызывал чувство голода. Но больше всего маленькую графиню поразили непонятные предметы в позолоченных и серебряных рамках, в которых она увидела смотрящую на неё девочку в похожем платье. Она была с такими же

русыми волосами и находилась в похожей на эту комнате. Адэлла испуганно попятилась назад, та девочка тоже отстранилась. Адэлла отступила ещё дальше. Это заметил внимательный граф Вустер. Он ласково произнёс:

– Не бойтесь, маленькая леди, это всего лишь зеркало, а не какое нибудь колдовское окно. Его изготовили в самом прекрасном из всех городов, в Венеции. Не бойтесь, – он непринуждённо засмеялся и страх рассеялся. Девочка тоже улыбнулась. Пухленькие щёчки залил лёгкий румянец. Альфонс подошёл к Адэлле, взял за руку и повёл к стене, где висело зеркало.

– Дотронься до него, – предложил мужчина. – Это не опасно. Ну же! – он поднёс пальчик Адэлле к холодному стеклу. Девочка слегка вздрогнула, но тут же задорно засмеялась.

Лица графа тоже коснулась улыбка, но какая-то загадочная. Адэлла подбежала к нему и обвила его ноги своими ручонками крепко-крепко. В ответ тот нежно потрепал её по золотистым детским локонам.

Альфонс и Льюис говорили в основном о войне. О прошлых победах и скором наступлении новых. Времена в Англии были не из спокойных. Адэлле, по началу, было интересно слушать отца и хозяина дома о войнах, о беспокойных отношениях с соседней Францией. О том, что английские лучники могут победить закованных в броню и латы французских воинов, и это огорчит французского короля. Адэлле было интересно слушать разговоры взрослых, но позже

её сморил сон. Все перед глазами поплыло и пламя свечей закружилось в причудливом танце. Звуки становились тише. Все ее окружавшее наконец-то совсем исчезло и она погрузилась в глубокий сон. Проснулась она оттого, что отец осторожно усадил её в седло рядом с Вустером. Она, щурясь спросонья, взглянула на друга отца и снова уснула, прижавшись к широкой груди Альфонса, затянутой черным бархатом дорожного камзола. Мужчина легонько пришпорил коня. Животное тихо зацокало по узкой улочке. Их путь лежал в Фиджеральд Парк и длился несколько часов. Они прибыли лишь к вечеру, когда солнце уже садилось за горизонт. Граф Вустер постарался спешиться как можно аккуратней, чтобы не разбудить девочку. Но почувствовав знакомый запах родного холла, Адэлла сразу пробудилась. Крепкие руки Альфонса бережно поставили её на пол, и девочка с сожалением вздохнула. В их замке было прохладно, как обычно, а под плащом у графа уютно и тепло. Девочке понравился Вустер он показался ей очень добрым и красивым. Альфонсу же Адэлла напомнила любимую Делию.

– А это твой сынишка? – бодро спросил он у графа.

– Да, это мой сын. Рафаэль, подойди, поздоровайся с королевским рыцарем и моим другом, – приказал мальчику Льюис.

Вызывающий взгляд серо-зелёных глаз устремился на гостя. Рафаэль почувствовал в этот момент странную неприязнь к этому человеку. Быть может, потому, что тот гла-

дил пушистые волосы сестры. Мальчика очень злило, когда до них дотрагивался кто-то кроме него.

– Прекрасный мальчик. Льюис, тебе можно позавидовать, иметь такого сына – просто счастье. Из него вырастет прекрасный воин. Рафаэль, ты мечтаешь стать рыцарем?

– Нет, я мечтаю стать конюхом. Обожаю убирать за лошадьми навоз, – съязвил в ответ мальчик.

Льюис зло взглянул на сына. Тот понял, что граф им не доволен, но извиняться не стал, лишь твёрдо сжал губы. Упрямство и нрав ему достались от отца. Адэllu тоже расстроило подобное поведение брата.

Зачем он так с этим прекрасным добрым рыцарем? Какая муха его укусила? Слуги приготовили ужин. Граф пригласил Альфонса и своих домочадцев поскорее его отведать. Они весь вечер беседовали о битвах, о войне, о все том же французском короле. Рядом сидела Исабель, сестра Льюиса, которую тот привёз из Ньюкасла, из замка Саймона Фиджеральда, их дяди, как только узнал, что Делия по своей невероятной глупости сбежала от него в монастырь. Поначалу он пытался вернуть жену, ведь детям нужна мать. Граф даже просил об этом настоятельницу, но та ни в какую не согласилась отпустить в мир новоиспечённую сестру Делию. Теперь в Фиджеральд Парке хозяйничала леди Исабель. Замуж её так и не смогли выдать, так как она была не слишком богата, а об её несносном характере по округе ходила молва. В результате женщина стала приёмной матерью детям гра-

фа. Но особой добротой и нежностью Исабель не отличалась, особенно по отношению к девочке. Как будто чувствовала, что здесь что-то не так.

Рафаэль с сестрой сидели на другом конце стола и молча ели каждый из своей тарелки, стараясь не разговаривать друг с другом. Адэлла хотела было начать диалог, но в этот момент раздался голос отца.

– Я не понимаю! Зачем тебе сейчас ехать во Францию?

– Наши соотечественники гибнут на тех землях за имя и во славу Эдуарда, и я не могу сидеть здесь, распивая вино! – прогремел в тон Фиджеральду Альфонс. – Льюис, ты думаешь, я на такое способен? Отвечай!

Граф молча посмотрел на него и тихо ответил:

– Нет, ты на такое не способен. Ты честный малый, я всегда это знал. Но все же не могу понять. У тебя есть молодая жена. Ты бросаешь её ради войны?

В голосе графа Фиджеральда промелькнула лёгкая грусть. Должно быть он вновь вспомнил о Делии.

– Это тебя не касается. Амалия все поймёт. Ты и сам поступал не лучше с Делией, когда на целые месяцы оставлял её одну в этих стенах. Или забыл?

Казалось, их спор вот-вот перерастёт в ссору. Исабель это понимала, поэтому поспешно встала из-за стола, подошла к детям и сказала:

– Рафаэль, вам пора идти к себе. Уже поздно, надо ложиться спать. Возьми сестрёнку и отправляйся, – её голос

звучал ласково, но в нем улавливались нотки раздражения.

Мальчик кивнул в ответ, затем не говоря ни слова взял Адэллу за руку и повёл наверх.

Стоило Джине закрыть за вошедшими в покои дверь, девочка сразу почувствовала, как брат разжал пальцы и выпустил её руку. Ей стало обидно до слез. Няня заботливо уложила обоих спать и, потушив все свечи, ушла. В комнате стало тихо. Адэлла лежала с открытыми глазами. Она знала, что брат тоже не спит. Не спит и не хочет с ней разговаривать. От этого становилось больно. Тишина все сильнее давила и она ощущала это почти физически.

– Рафаэль, – не выдержала Адэлла. Голос задрожал, по щекам потекли слезы. – Почему ты не говоришь со мной?

Брат по-прежнему молчал.

– Ты на что-то обиделся? – продолжала она. – На что? Что же тебе такого сделала? – голос задрожал ещё сильнее.

– Да, – коротко ответил тот.

– Миленький братик, ну, прости меня! – всхлипывала девочка. – Прости меня, пожалуйста, я не хотела тебя обидеть.

– Ты назвала меня трусом, – буркнул Рафаэль. – Как ты можешь так говорить? Ведь это я ночью хожу на кухню за пирожками! Между прочим, тебе! Сама-то ты боишься!

Если бы Адэлла сейчас видела его насупленное личико, то не смогла бы сдержать смех. Его вид был весьма комичен.

– Но ты тоже назвал меня трусихой! – пыталась оправ-

даться она. – А ведь я тоже не трусиха! Просто лошади очень большие.

К горлу подкатили рыдания, которые она уже не в силах была скрыть, отчего уткнулась лицом в подушку.

Рафаэль вначале подумал, что она притворяется, но потом понял, что нет. Мальчику стало очень стыдно. Уже не в первый раз Адэлла плачет из-за него. Иногда Рафаэль специально подтрунивал над сестрой, но не в этот раз. Сегодня он действительно не хотел.

– Адэлла, миленькая, не плачь, пожалуйста, – присев на край кровати, он легонько погладил девочку по голове.

– Оставь меня в покое! – сквозь слезы прошептала сестра. – Уйди от меня.

Но Рафаэль не послушал и с силой дёрнул Адэллу за руку. Та с недоумением посмотрела на него.

– Не плачь! Я совсем не хотел тебя обидеть. Не хотел.

Девочка, громко всхлипывая, с интересом посмотрела на брата, что заботливо помог ей убрать волосы с лица и вытереть слёзы.

– Больше не плачь! – прошептал он, прижав её вздрагивающее тельце к себе. – Не надо, когда ты плачешь, мне тоже больно.

Адэлла ещё долго не могла успокоиться. Но когда её дыхание наконец стало ровным, она тихо сказала:

– Рафаэль, давай больше никогда не будем ссориться, давай никогда не будем расставаться. Я слишком сильно люб-

лю тебя.

– Давай, – коротко ответил мальчик.

Они обняли друг друга так сильно, что казалось, будто никто не сможет их разлучить. В покоях вновь воцарилась тишина. Но вскоре её нарушил Рафаэль:

– Адэлла, ты мне веришь?

Девочка кивнула ему в ответ.

– Я тоже тебе верю, – продолжил он. – Только тебе я могу рассказать о своей тайне. Мне хочется отправиться в путешествие. Я сегодня ухожу.

– Нет, ты не сможешь, – пыталась его отговорить сестрёнка. – Тебя никто не выпустит из замка.

– А я выйду через тайный ход, – его голос звучал уверенно, хотя Рафаэль сам не знал, сможет ли сбежать через этот путь. – Так что прощай, миленькая моя сестрёнка, – с нарочитой серьёзностью сказал он.

– Я пойду с тобой! Я не останусь здесь одна.

– Но в подземелье, через которое мы пойдём, могут быть ведьмы и призраки! – попытался отговорить девочку брат.

– Я не испугаюсь, ведь ты же будешь со мной.

Рафаэль крепко обнял её и прошептал:

– Мы пойдём прямо сейчас. Давай, вставай скорей и одевайся.

Адэлла надела кожаные чулки и башмаки. Её плечи покрыла накидка из чёрной грубой шерсти с капюшоном. Брат оделся так же, и теперь издалека их можно было принять

за двух мальчиков. В руках у Рафаэля был игрушечный деревянный меч, сделанный специально для него конюхом графа.

На небе уже давно взошла полная луна, когда дети тихонько юркнули в тускло освещённый коридор замка, озаряемый всего двумя небольшими факелами на стенах. Рафаэль аккуратно взял в руку один из них. Адэлла тихонько кралась за ним., их тени в причудливых формах отражались на стенах коридора. Мальчик быстро нашёл ту самую винтовую лестницу, по которой убежал от кормилицы. Казалось, она никогда не закончатся. Дети уходили все дальше и дальше по ступеням, ведущим в загадочное помещение, где утром Рафаэль обнаружил вход в подземелье. Здесь по-прежнему не было ни души. Адэлла испуганно озиралась по сторонам. Комната не внушала ей никакого доверия. Было в ней что-то давящее, тяжёлое. Рафаэль подошёл к маленькой дверце в углу. Она осталась не запертой. Дети начали спускаться по лестнице, что была достаточно крутой. Чем ниже они спускались, тем сильнее их охватывала тревога. Было сыро и холодно, по стенам стекали крупные ледяные капли.

– Рафаэль, я боюсь. Давай не пойдём дальше. Я не хочу. Давай вернёмся назад, – захныкала девочка.

Брат не желал её слушать, он молча шёл вперёд, увлекая Адэлла за собой.

– Отпусти, я хочу вернуться! – продолжала клянчить сестра. Но не успела она договорить, как наверху кто-то закрыл

на засов дверь, в которую они вошли.

Дети замолчали, осознав, что попали в западню. Обоим стало ещё страшнее.

– Рафаэль, что же теперь будет? Как мы теперь вернёмся? – глаза Адэллы наполнились слезами.

В ответ мальчик пожал плечами и коротко ответил:

– Идём дальше, и скоро окажемся за пределами замка.

Адэлла послушно шагала вниз по ступеням за братом. Они спускались все ниже и ниже. Казалось, что скоро окажутся в самом адском пекле где-то под землёй. Ноги девочки дрожали от страха, шаги были неуверенными, сердце в груди бешено стучало. Но то, что она здесь хотя бы не одна – успокаивало. Прежде чем они переступили последнюю ступень и увидели перед собой нескончаемый тёмный коридор, будто бы минула целая вечность. Адэлла прижалась к брату, который уже потерял былую уверенность. Но обратного пути не было, ведь наверху дверь была заперта.

Со стен на пол свисали ржавые цепи. В темноте девочка не заметила одну из них, споткнулась и упала. Брат поспешил на помощь, светя ей факелом, чтобы было легче подняться. Тут же подземелье огласил пронзительный визг. Адэлла упала прямо в кучу костей какого-то несчастного, прикованного цепями к стене и оставленного здесь умирать. Кто это сделал, трудно было сказать. Может быть, сам Льюис Фиджеральд, а может кто-то из его жестоких предков. Адэлле охватил дикий ужас, глаза были полны слез, она была на гра-

ни обморока. По телу мальчика тоже пробежала дрожь.

– Не смотри! – прошептал он, помогая сестре встать. Слова застревали в горле. – Милая моя сестрёнка, – повторял он вновь и вновь, закрывая ей ладонями глаза, – не смотри туда. Пойдём отсюда скорее.

Но все детские страхи Адэллы вдруг воплотились в реальность. Рассказы о мертвецах всегда пугали её, а теперь она увидела это по-настоящему. Сквозь звон в ушах, девочка все же смогла различить слова Рафаэля. Она подскочила, как ошпаренная, и кинулась к нему в объятия. Вскоре, когда дети немного пришли в себя, они поспешили уйти с того места как можно дальше. Девочка старалась больше не смотреть по сторонам, глаза устремлялись только вперёд, и она всей душой надеялась, что вот-вот увидит свет. Но туннель все не заканчивался. Рафаэль и Адэлла уже начали бояться, что останутся здесь навсегда, как тот несчастный, что так и не найдут выхода. Вдруг они наткнулись на ещё одну лестницу, сплетённую из крепких верёвок. Она уходила высоко вверх.

– Рафаэль, я больше не могу, – заплакала девочка. – У меня нет сил.

– Не реви! Сама увязалась за мной. Если хочешь, то можешь возвращаться назад одна. Только не забудь, что там тебя ждёт тот скелет. И идти придётся в темноте. Так что выбирай!

При одном упоминании о скелете, у Адэллы подкосились

ноги, и она сползла вниз по стене. Рафаэль тут же понял, что переборщил с попыткой напугать и кинулся к сестре. Он ни на шутку испугался, что девочка может умереть здесь от страха и усталости.

– Миленькая Адэлла, – закричал он, хлопая её по щекам. – Очнись!!!

Она с трудом смогла открыть глаза.

– Вставай, – умолял её брат, который уже и сам был не рад, что решился на побег. – Уже почти пришли, ну потерпи ещё немного! Я тебя очень прошу. Вот поднимемся по этой лестнице, и тогда отдохнём, а сейчас надо поторопиться. Факел догорает. Скоро станет темно.

Брат взял факел в одну руку, а другой ухватился за лестницу. Адэлла последовала его примеру. Её руки со всей силы цеплялись за верёвки. К счастью, их оказалось не так уж и много. Через несколько минут дети увидели светлеющее небо. Занималась утренняя заря. Рафаэль вылез первым, затем помог сестре. Как только ноги коснулись травы, она тут же села на землю. Рафаэль опустился рядом и заботливо накрыл её своим плащом. Глаза начали слипаться, и уставшие дети погрузились в сон, крепко обняв друг друга. Они были такими уставшими, что сон был крепким, словно они сейчас лежали в своих мягких кроватках в замке, согреваемые пламенем камина.

Джина с огромными от ужаса глазами ворвалась в покои

хозяйина замка. Льюис только что поднялся с постели, поэтому из одежды на нем был лишь бархатный лиловый халат. Девушка, не испытав особого смущения и не отведя в сторону взгляда, прошептала:

– О, сэр, я прошу прощения, – слова застревали в горле, – но ваши дети пропали. Я обыскала весь замок, каждый закоулок. Их нигде нет, – её голос сильно дрожал.

Льюис на несколько секунд застыл. До сознания не сразу дошёл смысл этих слов. Но уже через мгновение, он громко закричал на служанку:

– Что ты несёшь? Ты отвечаешь за них своей пустой башкой, будь она не ладна!

– Но, сэр! – хотела оправдаться Джина, но граф не дал ей договорить.

– Не смей больше попадаться мне на глаза, иначе отведаешь моего хлыста! Поняла?!

Взгляд Фиджеральда не предвещал ничего хорошего, в нём отразилось нечто зловещее. Девушка съёжилась, почти физически ощутив эту энергию ярости. Сейчас она думала только о том, как поскорее отыскать хозяйских сына и дочь.

– Ты меня поняла? – вновь спросил Льюис, указывая на дверь. – Прочь отсюда!

Джина, не помня себя от страха перед неизвестностью, упала к нему в ноги. Девушка подняла на графа глаза, в которых не было ничего кроме мольбы.

– Пощадите, простите меня, – еле слышно шептала она,

оббив его ноги изящными белыми руками. Но ничего не могло тронуть каменное сердце Фиджеральда. Он пренебрежительно оттолкнул её вздрагивающее от рыданий тело, словно отряхнув с сапог налипшую грязь.

– Убирайся!!!

Джина поднялась с пола и молча направилась к выходу, но у двери её остановил граф. Он с силой притянул девушку к себе и жадно впился в её губы с неистовой страстью, срывая одежду. Его действия были грубыми и напористыми. Он повалил служанку на кровать и грубо овладел её телом, которое иногда приносило ему удовлетворение холодными ночами. Фиджеральд был привлекателен и не плох в качестве любовника. Но теперь все кончено. Тело графа содрогнулось несколько раз от нахлынувшего наслаждения, и через несколько секунд он оттолкнул девушку со словами:

– А теперь пошла отсюда вон! – голос мужчины был холоден и безразличен. – Ты мне в замке больше не нужна, раз не хватило ума присмотреть за моими детьми. Убирайся! Чтобы до рассвета тебя здесь не было!

Джина не знала, что делать. Граф когда-то спас её от разбойников, под крышей замка она обрела кров и хлеб. Девушка даже была рада, что Льюис обратил на неё внимание, как мужчина. Но сейчас прислуга вскочила с постели и, второпях одевшись, покинула хозяйские покои. Теперь ей предстояло забыть обо всем, что было здесь. Внутри будто что-то оборвалось и умерло, вместе со скрипом не смазанных пе-

тель моста, перекинутого через глубокий ров, который опустили и затем вновь подняли за её спиной. Врата в рай для Джины закрылись навсегда. Она потеряла свой шанс жить в нём. И сердце в груди от этого больно сжималось. Все её существо противилось новой жизни. Девушка плотнее укуталась в плащ – единственную вещь, что ей разрешили взять с собой из замка. Капюшон почти полностью скрывал лицо, не давая холодному ветру коснуться нежной кожи. Джина не знала, куда теперь податься. Жизнь открывала перед ней множество дорог, и она выбрала одну из них...

Адэлла зажмурила янтарные глаза, чтобы хоть как то спастись от яркого полуденного солнца, повисшего над землёй, словно спелое яблоко в Эдемском саду. Пальцы девочки попытались нащупать спящего рядом брата, но ощутили лишь тёплую примятую траву.

– Рафаэль, – тихонько позвала Адэлла. – Рафаэль! – повторила она ещё раз, но ответом вновь была тишина.

Девочка поднялась с травы, накинула на плечи плащ и осмотрелась вокруг. Деревья, блестящие сочной зелёной листвой, со всех сторон обступили маленькую залитую солнцем поляну. Вокруг не было ни души. Адэлла посмотрела на безоблачное небо. Бесконечная синева, такая яркая, что казалось, будто бы ангелы пролили над этой поляной голубые чернила. Вдруг за спиной раздался хруст сухих веток. Девочка испуганно обернулась. Перед ней стоял высокий мо-

лодой мужчина лет двадцати. Одежда выдавала в нём человека небедного сословия. Он с интересом рассматривал юное создание.

– Кто ты? – приятным голосом спросил незнакомец.

Адэлла сделала несколько шагов назад.

– Не волнуйся, я не обижу. Как тебя зовут? Отвечай, ты умеешь разговаривать?

Девочка кивнула.

– Меня зовут Адэлла.

– Прекрасное имя! – улыбнулся мужчина. – Что ты тут делаешь совсем одна? Потерялась?

– Нет, я не потерялась. А вы кто?

– Моё имя вряд ли о чём-нибудь тебе скажет. Можешь называть меня Огненным Волком. Не бойся этого зловещего прозвища. Я не вор, не убийца с большой дороги, не палач из Лондона. Просто это имя мне куда больше подходит, чем то, что дали при рождении.

– А теперь всё же расскажи мне, Адэлла, как ты здесь оказалась.

Девчушка зябко повела плечами и начала свой рассказ. Он был недолгим, но по его окончании доверчивое детское сердце почувствовало, что этому человеку можно доверять.

– Да... история интересная, – внимательно выслушав девочку, сказал Огненный Волк. – Но где теперь твой брат? Неужели он оставил тебя тут одну?

Девочка нахмурилась. Её расстроило такое предположе-

ние. Рафаэль не мог бросить её и потеряться тоже.

– А ваши родители? – продолжал мужчина. – Вы о них забыли? Вдруг они думают, что с вами случилась беда? Времена сейчас беспокойные, может произойти всякое.

Каждое слово незнакомца доводило до сознания девочки всю горечь поступка. Адэлла уже представила, как все в замке переполошились, разыскивая детей.

– Я хочу домой, к папе, – захныкала она. – Где Рафаэль? Почему его здесь нет? Я хочу назад, в Фиджеральд Парк.

Огненный Волк слегка приобнял девочку и тихо сказал:

– Не плачь, сейчас мы найдём твоего братишку. Вы скоро вновь будете с папой, – он взял её за руку.

Они отправились искать Рафаэля. Адэлла тихонько всхлипывала, в голове то и дело мелькали плохие мысли, но они исчезли, стоило ей только увидеть, что навстречу им по песчаной дороге бежит Рафаэль. Его волосы развевал ветер. Поравнявшись с сестрой и незнакомцем, мальчик остановился, недоверчиво взглянул на Огненного Волка и тут же решил узнать, кто этот человек. Адэлла попыталась ему всё объяснить. Рафаэль выслушал, но не разделив беспечности сестры, всю дорогу бросал в сторону незнакомца косые взгляды.

Путь был неблизким. Подземный ход вывел детей достаточно далеко от замка. Когда путники проходили мимо деревни, то поразились нищете, которая там царила. Тощие грязные дети в оборванных одеждах провожали их полным

ненависти взглядом. Они понимали, что это сытые отпрыски какого-то сквайра или барона, бравшего с почти разорённых крестьян непосильные налоги, чтобы набить свои сундуки.

У Адэллы болела голова. Казалось, что если они сейчас не остановятся, чтобы напиться воды и перевести дух, она умрёт от жажды и усталости. Детские пальцы всё слабее сжимали руку Огненного Волка. Мужчина замедлил шаг.

– Я больше не могу, – сдерживая слёзы, прошептала девочка, – может, отдохнём?

– Замок уже близко! – возразил брат. – Давай поторопимся, там ты сможешь отдыхать сколько угодно. Под...

– Не надо так с сестрой, – прервал его Огненный Волк. – Она права, вам стоит сделать перерыв. Замок никуда не денется. Или ты так торопишься получить нагоняй от отца за вашу выходку? – он задорно рассмеялся, и Адэлла тоже.

Лишь Рафаэлю эта шутка пришлась не по душе. Огненный Волк остановился у первой попавшейся на пути хижины. Ему навстречу вышел юноша лет четырнадцати и настроженно посмотрел на непрошенных гостей.

– Что вам надо? – грубо спросил он, встретившись с холодным взглядом юного графа Фиджеральда.

– Мы устали в пути, нас мучит жажда, – попытался как можно понятнее объяснить Огненный Волк. – Дайте нам немного воды, чтобы попить и умыться.

– Похоже, вы, сэр, не здешний, – вмешалась в разговор дородная женщина средних лет, – раз не знаете, что наш

сквайр, граф Фиджеральд, чтоб его черти на сковороде зажарили, запрещает нам отдавать комулибо что-либо. Он дерёт с нас три шкуры, а куда это годится? Так что, добрый человек, не обессудь, ничем не можем помочь.

Адэлла обречённо вздохнула. Кажется, им не дадут напиться ни в одном из домов в этой деревне. Что ж, может быть, они и правы. Только от осознания этого жажда меньше не становилась.

– Да сжальтесь же вы над этими измученными долгой дорогой детьми! – возмутился Огненный Волк. – Они не виноваты, они не должны расплачиваться за грехи вашего господина! Вы дадите им умереть от голода и жажды?

Рафаэль молча смотрел то на сестру, по щекам которой катились слёзы, то на человека, который заступался за них, то на хозяйку хижины. Сердце заныло, будто по нему ударили хлыстом для верховой езды. Только сейчас шестилетний сын аристократа понял, что вокруг творится много несправедливости и никто не борется с ней, даже не пытается это сделать.

– Огненный Волк, – обратился он к новому знакомому впервые за весь путь, – оставь их в покое. Мой отец правильно поступает, что требует от них столько. Жадность – грех, и они грешники, – в голосе мальчика прозвучала обида, но в глубине души он чувствовал, что эти люди едва сводят концы с концами.

– Так это дети сэра Льюиса? – всплеснула руками хозяйка

хижины. – Так бы сразу и сказали! Сейчас я вам вынесу воды, – она на мгновение скрылась в дверном проёме. – Натё, пейте! – крикнула она, плеснув холодной водой в опешивших от неожиданности детей. – Получайте своё!

– Да как ты смеешь?! – воскликнул Огненный Волк. – Они же всего лишь дети!!!

– Не дети, а ублюдки графа! Так пусть расскажут ему, как мы любим всю его семью! Пусть расскажут! – она зло рассмеялась.

Мужчина с жалостью посмотрел на испуганное личико девочки и сжавшиеся до бела губы Рафаэля. Он не знал, что ещё сделать, чтобы защитить их от этой ненависти. Не может быть, чтобы эти миленькие мордашки имели хоть какое-то отношение к поступкам своего отца, безжалостного графа Фиджеральда, Кровавого Рыцаря, как называли его крестьяне. Все имена, которыми нарекали Льюиса, были отчасти справедливы. Он строил своё благосостояние на крови обездоленных и не желал даже слышать об уменьшении налогов. А когда бедняки приходили к воротам Фиджеральд Парка с просьбами о помощи, граф разгонял их грубой силой, как это делали раньше его отец и дед. Огненный Волк в своё время стал свидетелем жестокости Льюиса.

– Почему они так ненавидят отца? – захныкала Адэлла, когда они отошли от хижины на такое расстояние, чтобы крестьяне не смогли её услышать.

– Значит, детка, на это есть причины, – погладив девочку

по волосам, ответил Огненный Волк.

Рафаэль больше не смотрел на него с подозрением. В душе что-то перевернулось, и он осознал, что этому человеку можно доверять.

– А почему у тебя такое странное имя? – спросил мальчик. – Назови нам своё истинное имя.

– Вам ни к чему его знать. Его никто не знает, – просто-душно ответил таинственный незнакомец. – Пусть это останется моей тайной, хорошо? Могу сказать лишь одно – я не англичанин.

– А кто же ты? – удивилась Адэлла.

– Я родом из Франции.

Дети переглянулись. О французах они не раз слышали от отца, и тот совсем не лестно о них отзывался: «Они все жалкие развратники, вместе со своим королём!». Граф ненавидел всё их племя. Будь то мелкопоместный дворянчик, его святейшество кардинал, или даже ни в чем не повинный младенец на руках у добропорядочной матери. Адэлла старалась забыть жестокие слова отца. Нет, Огненный Волк совсем не такой, как говорил Фиджеральд, он добрый и справедливый.

– Я устала, – тихо сказала девочка, – нам ещё далеко?

Крепкие руки мужчины легко подхватили её, необыкновенно спокойный голос ответил:

– Ещё немного. Вон уже вдали видны стены вашего замка. Там, наверное, все переполошились...

Не успел Огненный Волк договорить, как они увидели двух всадников, во весь опор мчавшихся им навстречу. За ними следом бежали несколько слуг. Когда всадники приблизились, в одном из них дети узнали отца. Вторым был граф Вустер. Злое лицо Фиджеральда не предвещало ничего хорошего, губы не тронула даже тень улыбки. Казалось, его совсем не обрадовало то, что перед ним стоят его дети, пусть измученные долгой дорогой и грязные, но живые.

– Сейчас же ко мне, негодники, я вам приказываю! В замке вас посадят под арест!

– Льюис, может, не стоит так жёстко? Они же голодные и уставшие, – вступился Вустер, но это не повлияло на решение графа.

– Сэр Фиджеральд, как я понимаю? – вмешался Огненный Волк. – Ребята и так много чего натерпелись за этот день, они уже получили своё наказание. Им пришлось очень несладко. Как только люди узнавали, что они ваши дети, то были готовы растерзать малюток. Люди вас ненавидят. Но думаю, вам это известно.

– Кто этот умник? – высокомерно смерив его взглядом, произнёс Льюис. – И кто его спрашивает? Шёл бы ты отсюда подобра-поздорову, пока не отведал моей плётки! – он занёс руку с хлыстом в воздухе, и в серо-зелёных глазах сверкнули злобные искры.

Как этот незнакомец смеет перечить ему здесь, на его земле? Для графа это было неслыханной дерзостью и он с тру-

дом заставил себя сдерживать гнев.

– Значит, народ прав, что вы чудовище! Настоящее никого не любящее чудовище! – печально сказал Огненный Волк. – Даже собственных детей вы не любите. Всё это только слова. Ваше сердце жёстче камня!

Граф Фиджеральд больше не желал слушать дерзкого незнакомца, но в глубине души признавался сам себе, что он прав. Льюис со всей силы вонзил шпоры в бока своей лошади, и та, взвившись на дыбы, помчалась прочь. Уже через несколько мгновений Огненный Волк остался стоять один. Глаза застилала дорожная пыль. А граф с Вустером и слугами вскоре достигли замка. Как только за спиной раздался скрип поднимающегося моста, Фиджеральд спешил. Он подошёл к детям почти вплотную и холодно произнёс:

– Как вы могли так поступить?! А я-то думал, что у меня умные дети, которые не будут творить подобных глупостей. Рафаэль, это была ведь твоя идея? Это ведь ты носишься по замку без дела целыми днями!

Мальчик ничего не ответил и лишь опустил вниз глаза.

– Вы хотели убежать? – продолжал отец. – Отвечайте!

– Мы не убегали, отец, просто хотели посмотреть, что же там делается, за стенами нашего замка – наивно промолвила Адэлла.

Льюис молча посмотрел на дочь и, взяв её за руку, отвёл в сторону. Тем временем слуга проводил Рафаэля в соседние покои, где было много стеллажей со старинными книга-

ми и рукописями.

– Сын, подожди меня там, мне надо с тобой серьёзно поговорить, – сказал граф вслед Рафаэлю. – А ты, Адэлла, останься с тётей.

Исабель равнодушно взглянула на племянницу и произнесла:

– Ступай за мной.

Девочка, повинувшись, последовала за стройной фигурой родственницы. Леди Исабель шла быстро, подобрав пышную юбку. Её волосы были уложены в простую, но элегантную причёску. Впервые за всё пребывания тёти в Фиджеральд Парке, Адэлла заметила, что та весьма хороша собой. Пятилетняя девочка сейчас вдруг очень захотела во всем на неё походить. Так же изящно переставлять ножки, приседать в реверансе и всё остальное, что так хорошо умела делать леди Исабель.

– Тётя, – обратилась к ней Адэлла, – вы меня накажете?

В её голосе не было страха. Она надеялась, что любовь папы не позволит это сделать.

– Нет, твой отец запретил мне.

– Я больше так не буду, – залепетала тоненьким голоском маленькая хитрюга. – Я знаю, что вела себя как мальчишка, но я больше так не буду! Я хочу быть как вы! Такая же красивая и с прекрасными манерами. Тётя, научите меня всему!

Исабель посмотрела на девочку с удивлением. Давно ли она кричала, что хочет всё делать как брат и не разлучится

с ним ни на секунду?

– Это твоя новая комната, – сухо, но дружелюбно сказала она, открыв перед племянницей дверь. – Всё остальное обсудим позже.

– Но здесь же только одна кровать! – воскликнула Адэлла, тут же забыв про манеры и воспитание. – А как же мой брат? Где будет он?

– Граф приказал поселить вас в разных покоях, как и положено. Давно надо было это сделать. Рафаэль будет в другом крыле замка, рядом с покоями отца, – ответила женщина. – А теперь, моя юная дикарка, постарайся не кричать и выслушать меня, желательно очень внимательно. Граф наконец решил установить в замке порядок. Теперь вы с Рафаэлем будете жить порознь. Это пойдёт обоим на пользу. Так и должно быть. Девочки отдельно, мальчики отдельно. Так гласит закон Божий. А теперь ты дождёшься свою новую горничную. Её зовут Лунадина. Она поможет тебе привести себя в порядок и будет в дальнейшем заниматься твоим воспитанием. Не то что эта вертихвостка Джина, которая не столько следила за вами с братом, сколько ублажала вашего батюшку, – в голосе Исабель проскользнула злоба.

Она, конечно, понимала, что граф ещё достаточно молод и полон желаний, но иногда он переходил все границы, идя на поводу у животной похоти. Сестра не раз говорила ему, что своим поведением и особой любовью к служанкам и кухаркам, он подаёт плохой пример сыну, но Льюис игнориро-

вал её нравоучения.

– Лунадина?! – непонимающе переспросила Адэлла. – А Джина где? Мне не нужна эта старая ведьма!!! – она постепенно переходила на крик. – Верните мне Джину!!! Я же так её любила!!! Она такая добрая...

– Замолчи, несносная девчонка, – оборвала крики Исабель.

Её голос прозвучал тихо, но каждое слово, словно плётка, больно хлестало девочку по сердцу:

– Замолчи, тебя всё равно никто не станет слушать! Ты здесь никто! Граф не любит тебя. Он любит лишь Рафаэля, своего наследника. А ты просто ещё один ребёнок. Как и я в своей семье, – с этими словами леди вышла из комнаты.

Адэлла опустилась на кровать и посмотрела в окно. В детской головке не могли уложиться эти жестокие слова, которые Исабель произнесла с одной целью – сделать девочке больно. И это у неё получилось. Отсутствие Джины очень огорчало Адэllu. Эта девушка с любовью относилась к ним с братом. Да и граф занимал в её жизни не последнюю роль. Девочка не раз слышала, как служанки шушукались, что отец зовёт по ночам Джину в свои покои, и что она утром выходит оттуда еле держась на ногах, но счастливая. Адэлла была ещё мала, чтобы понять смысл этих слов, но однажды стала невольной свидетельницей интимной сцены.

Однажды девочке приснился страшный сон: отца убил на охоте огромный волк с огненными глазами. Проснувшись

от ужаса, она тут же побежала в покои графа. Дверь была не заперта, и в полумраке юным глазам предстала следующая картина: комнату освещала лишь полная луна, у окна без одежды стоял отец и прижимал к стене девушку, из груди которой вырывались тихие стоны. Лица было не видно, но по голосу девочка узнала Джину. Из груди девушки вырывались тихие стоны, периодически переходящие во всхлипывания. Адэлла сначала испугалась и хотела выбежать из помещения, но нечто таинственное заставило её задержаться. Девочка видела что-то подобное на конюшне, когда к жеребцу приводят на случку кобылу. Но тут всё было по-другому. Как-то загадочно и красиво. Мускулистая обнажённая фигура графа смотрелась завораживающе в лунном свете, он с остервенением сжимал тело служанки. Одной рукой он придерживал её за бедро, а другая была на шее у девушки, как будто он хотел задушить её. Но Джина вовсе не выглядела несчастной жертвой. Она страстно извивалась под натиском графа, и чем жёстче и чаще становились его движения, тем громче она стонала, и даже маленькая Адэлла понимала, что не от боли, а с каким-то наслаждением. Ещё несколько мгновений, и Джина закричала, с силой вцепившись в спину графа.

– О, господин, я сейчас умру! – почти шёпотом произнесла девушка с улыбкой на губах.

– Подожди, ещё рано, – хрипло ответил Льюис.

Ноги девушки слегка подкосились, и Фиджеральд помог

ей опуститься на колени перед собой.

В этот момент в коридоре послышались шаги. Адэлла, испугавшись, что её поймают за подглядыванием, поспешила тихонько прикрыть дверь в покои и удалиться. Увиденное произвело на девочку большое впечатление. Она хотела рассказать всё брату, но опасалась, что тот может не поверить, или того хуже, расскажет отцу, что она подсматривала. Девочка боялась, что её накажут, а ещё могли наказать и Джину. Но теперь Джину всё равно наказали и выгнали из замка. Адэлле было очень больно от этого. Она одна из немногих, кто любил девочку. Судя по словам тёти, она никому здесь не нужна. В янтарных глазах застыли слёзы.

– Они все меня не любят... – шептала малютка. – Лишь Рафаэль меня любит. Что ж, тогда и я не стану больше их любить, никого, кроме моего брата. Он бы никогда не сказал мне такого, и за это я его ещё больше люблю. Сильно-сильно...

Рафаэль не сводил с отца испуганных глаз. В его взгляде мальчик читал молчаливый вопрос: «Почему ты не слушаешься меня?». Рафаэль боялся отвечать на него. Боялся всего, что могло окончательно убить безоглядную любовь сына к отцу. Раньше он думал, что сэр Фиджеральд самый добрый и справедливый человек на свете, но теперь, когда пришлось стать невольным свидетелем разговора между Огненным Волком и графом, мальчику сложно было переосмыс-

лить своё отношение к нему. Рафаэль вспомнил слова разгневанной крестьянки и её глаза, наполненные ненавистью. Нет, Льюис не тот идеал, каким сын видел его раньше.

– Рафаэль, – обратился к нему Фиджеральд, – ты должен меня понять. Я хочу, чтобы ты стал настоящим воином. Ты должен воспитываться как мужчина. Поэтому я решил, что вам с Адэллой нужно проводить меньше времени вместе. Твоя сестра должна вырасти настоящей леди. И не стоит кричать, плакать, выказывать своё недовольство. Раз я так сказал, значит, так тому и быть. Ты меня понял?

Мальчик кивнул в ответ. Он всем сердцем желал стать истинным воином, носить сверкающие доспехи.

– Вот и хорошо, – обняв сына за плечи, произнёс Льюис. – Я верю в то, что в один прекрасный день буду гордиться тобой!

Мальчик тоже обнял отца. Нет, что бы там не говорили, его отец самый лучший. От гордости на глазах навернулись слёзы.

– Ты станешь настоящим воином, ты должен мне это обещать! – продолжал граф. – Клянись, Рафаэль, вот на этом распятии, что никогда не опозоришь наше имя.

– Клянусь, – прошептал мальчик взволнованно. – я клянусь, отец...

– Повторяй за мной! Я, Рафаэль Фиджеральд, клянусь, что никогда не опозорю этого имени и стану доблестным рыцарем его величества короля Англии.

Сын повторил всё слово в слово. После того как он прикоснулся губами к серебряному распятию, Льюис крепко прижал мальчика к мускулистой груди и нежно погладил его по чёрным вихрам. Сын впервые видел отца таким.

– Помни... помни о своей клятве, помни, чья кровь течёт в твоих жилах! Ты Фиджеральд, а мы всегда были сильными. Помни это... всегда помни...

Для Рафаэля отец навсегда останется таким: со светящимися любовью глазами, ласковым, но величественным. Эти слова настолько врезались в память, что даже спустя многие годы ему казалось, будто он слышит их так же явственно, как в тот самый вечер. Словно он вновь сидит на коленях у графа, слышит его дыхание, чувствует биение его сердца. Но тогда мальчик и подумать не мог, что это их последний вечер с отцом.

На следующее утро, едва на небосклоне начала заниматься заря, Альфонс Вустер и Льюис Фиджеральд выехали из замка в полном рыцарском обмундировании. Начищенные латы и шлемы сияли в розовых лучах восходящего солнца. На широких плечах всадников развевались чёрные плащи с вышитыми на них дворянскими гербами. Граф выехал рано утром, чтобы не видеть детских слёз. Адэлла не смогла бы спокойно пережить расставания с отцом.

Но дочь графа будто почувствовала и проснулась посреди ночи. С улицы доносился шум. Конюхи седлали рыцар-

ских коней. Слуги как ни старались, всё же шумно собирали в путь своего господина. Адэлла сквозь слёзы смотрела из окна своей комнаты на то, как всадники проскакали по опущенному мосту и скрылись из вида. Тело девочки сотрясалось от рыданий. Она ощутила глухую боль в сердце, словно что-то внутри подсказало ей, что отцу грозит смертельная опасность.

– Девочка моя, – окликнула её Лунадина, только что вошедшая в покои юной леди, – почему ты не спишь? – она подошла к окну и взяла девочку за руки. – Что ты плачешь? Из-за отца?

Адэлла кивнула, и по детским щекам вновь побежали слёзы.

– А вдруг он умрёт? – прошептала она. – Вдруг его убьют? Что тогда будет с нами? Сначала мамочка, потом отец! Я не хочу, чтобы он умирал! Не хочу!!!

Девочка спрятала лицо в складках платья няни. Старушка крепче прижала к себе несчастную малышку и, поцеловав её в лобик, сказала:

– Мы все ходим под Богом. И если ему будет угодно призвать к себе твоего отца, то ему ничто не помешает. А ты молись и верь, что всё будет хорошо.

Адэлла внимательно выслушала Лунадину. Она немного успокоилась, почти перестала всхлипывать и шмыгать носом.

– Если я попрошу Боженьку, он не отнимет папу у нас

с братом?

Женщина ласково улыбнулась и ответила:

– Конечно, Господь Бог справедлив и великодушен. Он не отнимет отца у таких крошек, как ты и братик. А теперь ложись снова в свою постельку. Если леди Исабель узнает, что я позволила тебе встать так рано, она накажет тебя, да и мне достанется. Сэр Льюис оставил замок в её распоряжении, и мы должны её слушаться. – она накрыла Адэллу одеялом, вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой тяжёлую дверь.

Девочка долго лежала и смотрела в потолок. Ей совсем не хотелось спать, на сердце было по-прежнему беспокойно. Адэлла медленно поднялась с кровати, накинула на плечи одеяло и вышла в коридор. Босые ножки пробежали по холодному каменному полу, кулачки забарабанили в дверь комнаты брата. Адэлле сейчас было очень нужно увидеть Рафаэля. Она часто нуждалась в нём и все свои тайны не задумываясь доверяла этому мальчику. Вот и сейчас её переполняло желание поделиться с ним своими опасениями.

Девочка постучала, и не дождавшись ответа, сама отворила дверь. Окна были задёрнуты плотными шторами, и в комнату почти не проникал утренний свет. От догорающих свечей пахло воском. Тишину окутанной полумраком комнаты нарушало лишь тихое посапывание мальчика. Рафаэль, свернувшись клубком и натянув на себя одеяло почти до самых глаз, мирно спал на огромной кровати с бархатным малино-

вым положом. Адэлла с интересом оглядывала покои брата, когда в них вошёл заспанный камердинер, устало потирая глаза. Девочка вздрогнула, когда тот обратился к ней:

– Вам не положено находиться здесь в столь ранний час! Если леди Исабель узнает, что её приказы не выполняются, она будет в ярости. Так что извольте вернуться к себе.

– Я никуда не пойду! – возразила Адэлла. – Я останусь тут до тех пор, пока не поговорю с братом.

– Но, леди, я буду вынужден применить силу, хоть мне этого совсем не хочется! – он попытался поймать девочку за руку, но та ловко увернулась.

Адэлла отбежала к изголовью кровати.

– Леди Адэлла, – не отставал слуга, – мне даны строгие указания...

– Оливер, – раздался голос юного графа. – оставь в покое мою сестру.

Камердинер попытался возразить маленькому господину, но мальчик заявил:

– Я тебе приказываю, оставь нас с Адэллою. И не делай лицо, словно у провинившегося пса. Исабель ничего не узнает.

Оливер молча поклонился и вышел за дверь.

– Ну, сестрёнка, почему ты дрожишь? – произнёс Рафаэль. – Ты замёрзла?

Она кивнула в ответ.

– Тогда залезай ко мне под одеяло, тут тепло. Ну же, давай скорей!

Он откинул покрывало, и девочка юркнула под него. Стало и правда намного теплее. Адэлла положила голову на подушку, которой с ней любезно поделился Рафаэль.

– И о чём же ты так рано хотела со мной поговорить? – зевая, спросил он. – Что-то интересное произошло?

– Нет, просто мне стало очень грустно. Папа с графом Вустером уехали воевать, и мне захотелось плакать. А ты почему такой весёлый? – недоумевала девочка.

– Я не весел, просто не понимаю, почему нужно грустить? – ответил Рафаэль. – Папа правильно сделал, что поехал на войну. Так должен поступать каждый мужчина. Это наш долг. Папа говорит, что мы для этого и рождаемся.

– Все вы, мальчишки, одинаковые! – насупилась Адэлла. – И чего хорошего в этой вашей войне? А разговоров-то о ней, будто настал конец света!

– Он вполне может наступить, если все будут думать, как ты сейчас. Граф Вустер поступил верно, когда уговорил нашего отца поехать с ним. И не надо больше хныкать по всем закоулкам нашего замка. Посмотри-ка лучше, что он мне подарил!

Мальчик протянул ей распятие. Адэлла всматривалась в него, изучая каждый узор. Она силилась вспомнить, где же ещё видела это произведение искусства.

– Какая красота! Этот крест носил отец, но почему он отдал его тебе?

– Так полагается по обычаю семьи Фиджеральдов. На слу-

чай, если он вдруг не возвратится, на меня снизойдёт благословение Божье. И с небес отец будет во всём помогать, – мальчик на мгновение замолчал, но вскоре продолжил. – Твои глазки снова блестят от слёз. Не надо так расстраиваться. Папа обязательно вернётся, верь мне.

Рафаэль обнял сестрёнку за хрупкие плечи, по которым шёлковыми волнами рассыпались тёмно-русые волосы. Он заглянул в её глаза и замер. Этот наивный детский взор мог заморозить кого угодно, даже самого бесчувственного человека.

Адэлла улыбнулась и шутливо произнесла:

– Братик, что с тобой? У тебя такое лицо, будто тебя ударили по голове! Что случилось? О чём ты задумался? – она взяла в руки маленькую подушку.

– О войне, – ответил он первое, что пришло в голову, и не успел договорить, как в него полетела эта самая подушка.

Адэлла заливисто рассмеялась, а Рафаэль подхватил.

– Дети, успокойтесь! – попытался унять их подоспевший на шум Оливер.

Девочка пыталась сдержаться, но ничего не выходило. Хотел, ещё более громкий, вновь огласил комнату. Брат тоже не мог остановиться.

– Хватит! – грозным тоном обратился к ребятам камердинер. – Или вы хотите, чтобы ваш смех разбудил леди Исабель? Если это, не дай Бог, произойдёт, нам всем не поздо-

ровится.

– Что здесь происходит? – прервал его надменный женский голос. – Я спрашиваю, что здесь происходит? Мне кто-нибудь ответит или нет?

Оливер обернулся и увидел хозяйку. Она окатила всех троих ледяным взглядом.

Рафаэль ругнулся сквозь зубы. Адэлла нарочито громко вздохнула. Слуга же побледнел. Он, как никто другой, знал, что видимое спокойствие госпожи предвещает беду.

– Я жду ваших объяснений, – сказала леди Исабель, нарушив воцарившуюся тишину. – Кто позволил девочке спать в одной комнате с Рафаэлем?

– Я тут и не помышляла спать, вы же запретили! – возразила Адэлла. – Я пришла просто поговорить. И если вам, милая тётушка, это не нравится, то я не могу понять, почему?

Исабель недовольно взглянула на племянницу. Такое вызывающее поведение ещё больше разозлило её.

– Какого чёрта ты не следишь за детьми? – накинулась она на Оливера. – Почему ты позволяешь им так себя вести? Доброта их испортит! Как можно этого не понимать?

Слуга опустил глаза в пол, чтобы не встретить полный гнева взгляд хозяйки, имевший свойство обезоруживать людей своей надменностью.

– Я понял свою ошибку. Впредь такого не повторится. Больше никаких поблажек, – пролепетал он.

С этого дня камердинер будет внимательно следить

за каждым шагом Рафаэля, следить, чтобы Адэлла не проводила с ним много времени. От его неусыпного ока не ускользнёт ни единая мелочь. Теперь он докладывал о каждом шаге детей своей госпоже. Леди Исабель брала всё больше власти в замке в свои руки. Вся челядь слушалась её беспрекословно. Женщина упивалась этой властью, в глубине души ей не хотелось, чтобы Льюис возвращался в Англию. Она не желала вновь становиться всего лишь младшей сестрой хозяина.

Прошло шесть лет, и в жизни обитателей Фиджеральд Парка начали происходить изменения. Шёл 1381 год от Рождества Христова, Англией правил Ричард Второй. Над королевством Англия сгустились тучи. Мало того, что оно вело войну с Францией, так ещё и на родных землях стали вспыхивать мелкие бунты, лишь на первый взгляд не имевшие большого значения. Постепенно они должны были перерасти в нечто большее, чем просто мелкие недовольства зависимых крестьян. Власть утверждала билли один за другим, налоги повышались. Бедняки тонули в своей нищете. Парламент не задумывался, к чему это может привести. Подобные события не могли не затронуть и провинциальные поместья, где уже давно назревал конфликт между крестьянами и феодалами. Последних ничего кроме себя самих не заботило. Такой же бессердечной госпожой была и леди Исабель. Она отбирала у своих крестьян почти всё. Фиджеральд Парк пре-

вратился в богатую, усиленно охраняемую крепость. Его амбары и кладовые каждую осень до отказа набивались зерном и овощами. В замке не знали ни голода, ни нужды. Исабель крепко держала бразды правления в своих женских, на вид слабых руках. Она не раз выгодно пользовалась своей внешностью, которой её щедро наделил Создатель. Ни один дворянин не в силах был отказать ей в помощи, она могла заставить плясать под свою дудку любого мужчину. Из милой по первому впечатлению девушки, Исабель постепенно превратилась в обольстительную мегеру.

Это произошло ранней весной. Утром Адэлла проснулась от странного чувства, будто по сердцу полоснули кинжалом. Она подскочила в постели, глаза испуганно забегали по комнате в поисках источника тревоги. За окнами только начинало светать, по стеклу стекали крупные капли дождя. Девочка торопливо зажгла свечу. В комнате царила мёртвая тишина. Адэлла подошла к окну. Она прижалась лбом к холодному стеклу и погрузилась в свои мысли, уносившие всё дальше от реальности. На душе было по-особенному тяжело. Воображение вдруг нарисовало картину из прошлого, будто она, ещё совсем маленькой девочкой, сидит на коленях у отца, он гладит её по волосам и рассказывает сказку о колдунах и феях. Сердце Адэллы защемило. Она вдруг ощутила острую потребность увидеть папу, сказать ему о своей огромной любви.

– Папочка, – прошептала она, – как же я скучаю по тебе...

За спиной скрипнула дверь, в комнату вошёл брат. Рафаэлю уже исполнилось четырнадцать лет, он рос крепким парнем. Девочка вздрогнула от неожиданности, но как только увидела в дверях его, сразу же успокоилась.

– А, это ты. Ну заходи.

Рафаэль смутился: сестра стояла перед ним в одной ночной рубашке из тончайшего полотна. Опустив глаза, он смущённо сказал:

– Ты вчера говорила, что хочешь поехать со мной верхом. Я пришёл спросить: поедешь или нет?

– Я сейчас спущусь, подожди меня, – тоже ощутив неловкость, ответила Адэлла.

Она уже знала, что это неприлично, когда юноша заходит в покои девушки в столь раннее время. Та ведь может быть не полностью одета. Подобная ситуация способна породить множество сплетен, даже несмотря на то, что Рафаэль – её брат.

– Я подожду тебя в холле, – предложил он и спешно удалился.

Адэлла подбежала к огромному сундуку, и, откинув тяжёлую крышку, принялась искать свой костюм для верховой езды. Он был сшит из грубой ткани серого цвета. На ноги Адэлла натянула чулки из кожи и башмаки. На плечи накинула плащ с капюшоном, под который спрятала волосы. Окончательно убедившись, что всё в порядке, девочка вышла в ко-

ридор и зашагала по направлению к холлу, где её уже ждался брат. Он тоже надел поверх костюма для верховой езды чёрный плащ. На ногах были высокие кожаные сапоги с узкими раструбами, на руках – перчатки. В одной из них он держал хлыст. Девочка удивлённо посмотрела на Рафаэля:

– Для чего тебе эта штукавина?

Мальчик не сразу сообразил, о чём она спрашивает.

– Ах, это? – наконец понял брат. – Это на всякий случай. Если лошадь вдруг заартачится, она должна будет почувствовать тяжёлую руку хозяина, – его голос звучал самоуверенно, что Адэлла заметила уже не в первый раз.

Рафаэль всё больше становился похожим на отца. Казалось, что сейчас он холодно рассмеётся в лицо сестре, если девочка посмеет обмолвиться о том, что ей жаль несчастное животное.

– Адэлла, – обратился он, – почему ты молчишь? Что тебя расстроило? Если пропало настроение, то оставайся дома и смотри в окошко, я не желаю брать с собой такую печальную спутницу.

– Я поеду с тобой, – коротко ответила сестра, отведя глаза в сторону.

Её задевало то, как в последнее время к ней относился Рафаэль. Он часто в открытую подтрунивал над девочкой. Вот и сейчас снова пытался продемонстрировать своё превосходство.

Адэлла молча следовала за братом, стараясь ступать как

можно тише. Они вышли во двор. Было холодно и шёл дождь. Девочка слегка поёжилась, но Рафаэль не обратил на это никакого внимания. Он широкими шагами пересёк окутанный утренним туманом двор и скрылся в конюшне. Буквально через пару минут возвратился, ведя под уздцы жеребца и кобылу вороной масти. В этот момент Адэлла подумала: «Как же он прекрасен! Настоящий воин, как отец. Так похож на него... Как хорошо, что он мой брат».

– Адэлла, посмотри, какие они красавцы! Тётка купила их совсем недавно. Не правда ли, они великолепны?

Его голос на мгновение показался девочке вновь ласковым и нежным.

– Да, отличные лошадки.

– А я тебе о чём говорю? – улыбнулся Рафаэль. – Скорее садись в седло, и поехали.

Он придерживал лошадь под уздцы, пока Адэлла усаживалась на неё, затем сам резко вскочил на своего коня. Оба животных поскакали во весь опор. За стенами Фиджеральд Парка детей встретил пронизывающий ветер, срывающий с ветвей крупные капли дождя. Жеребец Рафаэля, словно стрела, помчался вперёд, рассекая грудью холодный утренний воздух. Адэлла попыталась за ним угнаться, но попытки были тщетны.

– Рафаэль! – прокричала она ему вдогонку. – Рафаэль, подожди же меня!

Но мальчик будто не слышал её. Он пришпорил скакуна

сильнее, и животное понеслось дальше. Адэлла лишь успела увидеть, как брат, уверенно сидя в седле, перемахнул через толстый ствол поваленного дерева. Лошадь девочки тоже приблизилась к этому препятствию, но не пожелала его преодолеть. И как ни пыталась юная графиня заставить её, животное не желало слушаться. Но вскоре на помощь подошёл Рафаэль. Он спешил, взял в руку хлыст и подошёл к кобыле. Адэлла сначала не поняла, что тот собирается сделать. Лишь когда брат взмахнул кнутом у морды лошади, сообразила, что сейчас он с пронизывающим свистом опустится на шкуру испуганного животного.

Девочка громко закричала:

– Рафаэль, не надо, я тебя умоляю! Не делай этого! Ей же будет больно!!! – в её голосе слышалась мольба, но брат проигнорировал эти слова и несколько раз ударил лошадь по ногам. Та взвилась и преодолев препятствие стремительно понеслась вперёд. Адэлла отчаянно пыталась сдержать её за поводья, но животное не поддавалось.

– Ты не смеешь меня послушаться! – закричал на кобылу Рафаэль, и хлыст вновь свистнул в воздухе.

Адэлла хотела остановить брата, но вдруг почувствовала, что куда-то съезжает. Её пальцы старались ухватиться за гриву животного. Через мгновение она упала на землю, всё ещё цеплялась за поводья. Лошадь продолжала нестись в глубь леса, волоча девочку за собой по мокрой земле. Адэлла кричала, запястье запуталось в поводьях, и она никак не могла

высвободиться.

– Рафаэль, помоги мне!!! Я не могу её остановить!!! Скорей!!!

Мальчик кинулся вдогонку, и как только смог схватить поводья, обезумевшее животное остановилось. Он тут же кинулся к перепуганной сестре, которая лежала с закрытыми глазами и боялась пошевелиться.

– Адэлла!!! Ты в порядке? Ответь же!!!

Всё высокомерие разом куда-то улетучилось. Рафаэль вновь стал добрым и заботливым, как раньше.

– Оставь меня! – сквозь зубы процедила девочка. – Ты чуть не убил меня!!!

– Что с тобой? – растерялся Рафаэль. – Ты сошла с ума? Правда хочешь, чтобы я бросил тебя тут одну? Не сердись, пожалуйста. Я не хотел, всё само собой получилось.

Адэлла молча посмотрела в его серо-зелёные глаза и поняла, что не может злиться. Какую бы пакость не совершил брат, Рафаэль всё равно заслужит прощение. Так было и будет всегда. Он словно обладал каким-то магическим даром, и Адэлла это чувствовала.

– У меня сильно болит нога, – прошептала она, смахнув слезинки с ресниц. – Помоги мне подняться.

Рафаэль, подхватив её словно пушинку, понёс к лошади. Мальчик шёл на редкость уверенной походкой, будто всё время носил на руках девчонок.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

Адэлла слегка поморщилась от боли и сдержанно ответила:

– Не очень хорошо. Нога так болит, будто я её сломала. Отвези меня скорее в замок, – она с мольбой взглянула на брата.

Тот помог девочке устроиться в седле и аккуратно сел позади неё. Легонько вонзив шпоры в бока лошади, Рафаэль пустил её неторопливыми шагом. Второе животное послушно скакало рядом. Весь путь дети молчали, каждый думал о своём. Девочка изредка постанывала, каждая попытка пошевелить ногой или хотя бы пальцем, причиняла ей нестерпимую боль, и когда перед ними наконец предстали стены Фиджеральд Парка, Адэлла ощутила некоторое облегчение.

Рафаэль спешился и подал сестре руку. Через пару мгновений она уже повисла у него на шее. Мальчик донёс её до главного входа, затем бережно опустил на ступеньки и сказал:– Адэлла, подожди меня. Я отведу лошадей в конюшню и тут же вернусь.

Девочка закрыла лицо руками. Мысли медленно уплывали куда-то вдаль. Вдруг тишину прервал чей-то вкрадчивый голос:

– Кто вы, прекрасное создание? И почему вы одна здесь, на этих холодных ступенях?

Адэлла вздрогнула от неожиданности и подняла на незнакомца испуганные глаза. Перед ней стоял высокий рыцарь, закованный в латы, на голове стальной шлем, сквозь припод-

нятое забрало на девочку ласково смотрели небесно-голубые глаза.

– То же самое я хочу спросить у вас. Кто вы? И что вы тут делаете?

– Я был другом графа Льюиса Фиджеральда. Моё имя Френсис де Клиссон. К вашим услугам, юная леди.

– Вы были другом моего отца? Почему были? – она с недоверием посмотрела на собеседника.

От этих слов мужчина смутился. Он не предполагал, что эта девочка – и есть та, о которой столько рассказывал Льюис. Рыцарь не знал, как сообщить ей о смерти отца, чтобы меньше ранить. Он и подумать не мог, что именно на его плечи выпадет обязанность первым сообщить это скорбное известие дочери погибшего товарища.

– Ну, отвечайте же, – не отставала Адэлла. – Почему вы молчите?

– Ваш отец... – начал Френсис, но слова застредали в горле. Воину, не раз побеждавшему на поле боя, было тяжело произносить их, но он всё же смог пересилить себя, – ваш отец... он... он скончался... – тут собственный голос изменил ему, словно струна лютни оборвавшись во внезапно образовавшейся тишине.

Адэлла не сразу поняла смысл этих слов, она растерянно смотрела в глаза мужчины и не могла издать ни единого звука. Горло графа свела судорога. Он громко сглотнул, и только затем продолжил:

– Я понимаю, это больно, но такова Божья воля.

– Нет! – с надрывом произнесла Адэлла. – Этого не могло произойти! Отец сильный, добрый!!! Он не мог умереть... – слова заглушали громкие всхлипы, она с трудом осознавала, что говорит, словно хваталась за последнюю соломинку.

– Плачь, если хочешь, – прошептал Френсис. – Это иногда помогает. Только пойми, что твой отец уже никогда не сможет быть с тобой. Он умер, покинул нас навсегда. Ушёл в вечность. Он уже на небесах, и там ему лучше, чем здесь...

– Где он? Пожалуйста, отведите меня к нему.

– Его тело сейчас в монастыре, как положено. Там его отпоют и через день привезут в замок. Сейчас тебе лучше его не видеть...

В этот момент в холл вбежал Рафаэль и тут же кинулся к сестре.

– Адэлла, – дрогнувшим голосом произнёс он, обняв девочку за плечи, – наш папа...

Он спрятал лицо в складках накидки Адэллы и заплакал. Сестра впервые за долгое время видела Рафаэля таким ранимым.

– Я знаю, – ответила она. – Мой миленький братик, не плачь. Рафаэль, ты будущий рыцарь, а они не дают воли слезам... – Всё будет хорошо, всё пройдёт... – она крепко обняла брата и прошептала ему на ухо что-то утешающее.

Но эти слова никак не могли достигнуть сознания мальчика. Перед ним предстало лицо графа: он ласково улыбался,

в зелёных глазах тогда ещё светилась искра жизни. Теперь она погасла, и эти очи сомкнулись навсегда. Рафаэль не хотел верить, что тело любимого отца поглотит сырая могила.

Сейчас сын не скрывал своих слёз, но через два дня, во время похорон, не проронил ни единой слезинки. Его глаза подолгу смотрели в одну точку, будто старались увидеть душу покойного графа. Тело Фиджеральда было вынесено из аббатства в сосновом гробу на золочённых носилках. Гроб несли двенадцать мужчин в три ряда по четыре человека. Они сменяли друг друга, так как доблестного сэра Фиджеральда провожали в последний путь в полном вооружении: кольчуге, латах, шлеме и железных перчатках. В последнее путешествие он забрал с собой меч, а в ногах был положен топор, как требовал обычай.

На протяжении всей похоронной процессии, от аббатства до Фиджеральд Парка, по обочинам дороги стояли люди с факелами, освещая путь. От этого у всех идущих за гробом на лицах оседала копоть и сажа. В первых рядах, верхом на вороном коне, ехала Адэлла. Щёки девочки покраснелись от слёз и ветра, растрёпанные волосы прядями спадали на глаза. Она будто вся окаменела, ничего больше для неё не существовало, всё потеряло смысл в один миг. Рафаэль ощущал то же самое.

В сердцах детей застыло горе. В отличие от них, леди Исабель не чувствовала ничего, кроме лёгкой жалости. Она никогда не питала к брату любви. На похоронах женщина

не проронила ни единой слезинки, лицо скрывала чёрная вуаль. Всю церемонию она провела в ожидании её окончания, которое всё не наступало. Мысли Исабель занимал лишь предстоящий разговор с графом Вустером.

Альфонс тоже присутствовал на похоронах. Его ещё не утратившее молодости лицо сковала маска скорби. Он сильно привязался к Фиджеральду за последние восемь лет. Граф осознал, что их жизни тесно связаны, и эта связь – нечто большее, чем просто дружба. Альфонс Вустер шёл и под печальные похоронные напевы вспоминал друга. Вместе с ним за гробом следовало множество леди и джентльменов, не жалевших ни обуви, ни длинных плащей.

В Фиджеральд Парке тело сэра Льюиса положили во второй гроб, каменный, и только тогда предали погребению. После отпевания леди Исабель позвала всех в замок, где присутствующие ели, пили, говорили о покойном добрые слова. В самый разгар поминок Альфонс поднялся из-за стола и громко произнёс:

– Льюис, наш дорогой друг и соратник по оружию, покойся же с миром и знай, что не уйти от нашей мести тому французу, который убил тебя! Твой сын, юный граф Фиджеральд, отомстит за тебя и за множество других доблестных воинов, которые полегли на той проклятой земле, – он осушил кубок до дна. – И благослови нас оттуда, с небес, на победу!

После речи Альфонса, все присутствовавшие в зале рыцари встали со своих мест и тоже залпом выпили вино. В их

бесстрашных сердцах жила надежда на то, что слова графа исполнятся.

Поминки длились почти до самого утра. Когда стало светать, леди Исабель всё же решилась поговорить с Вустером.

– Что вы изволите? – устало спросил тот, когда она тихонько окликнула его и подошла ближе.

– Сэр, – взволнованно начала женщина, – мне нужно с вами поговорить о завещании Льюиса. Вам о нём что-нибудь известно? Ведь вы же были рядом с ним все эти годы. – она молитвенно сложила руки.

– Ну хорошо, – сдался граф. – Я знаю, что всё своё имущество: замки, земли, деньги, крестьян, он поделил между Рафаэлем и Адэллой. Каждый из них вступит в право владения с восемнадцати лет.

Всё внутри Исабель замерло. Она ожидала, что хоть как-то упомянута в завещании.

– До этого же срока Льюис попросил меня стать их попечителем. А также, его волей было выдать Адэллу за меня замуж, по достижении ею восемнадцатой весны. Если по какой-то причине этого не случится, то девушке следует отправиться в монастырь, всё ею наследуемое имущество отойдёт обители.

Исабель не верила собственным ушам. Её родной брат не оставил ей ни фартинга. Видимо, ей тоже следовало найти утешение в монастыре. Женщина вся кипела от злости.

– Чтоб тебя там черти в котле сварили! – сквозь зубы про-

шипела она, громко хлопнув дверью в свои покои.

С самого утра там никто не затапливал камин. Было холодно. Исабель быстро разделась и нырнула под одеяло. Мысли о наследстве не оставляли её, и даже погружаясь в сон, она шептала:

– Всё равно Фиджеральд Парк будет моим...

В середине мая в Лондоне стало известно, что периодически возникают трудности при проведении вторичной переписи населения. В селении Фоббин, близ Brentwood, народ, которому положено сдать очередной налог заявил комиссару: всё, что было в его силах – уже собрано и господа больше не получают ничего. Непосильные налоги спровоцировали мужицкое восстание. Его участники убивали и призывали других убивать всех сеньоров, архиепископов, богатых приходских священников. Они желали уничтожить все пергаменты и податные книги, а заодно и тех, кто их составляет. Они жаждали поскорей добраться до короля и потребовать смерти Саймона Садбери, лорда Латимера и других врагов королевства. Но добиться своей цели в одиночку эссексы не могли, поэтому и призывали всю Англию подняться, как один человек.

В Фиджеральд Парк приехал новый человек – двоюродный дядя покойного графа Льюиса из Ньюкасла. Лет ему было пятьдесят с небольшим, но на первый взгляд многие давали меньше. Саймон был высок и грузен. Лицо, суровое

и массивное, сразу внушило Адэлле и Рафаэлю неприязнь к нему. Встретила мужчину леди Исабель. Она, облачившись во всё чёрное, стояла на сторожевой башне в тот момент, когда лорд пересёк двор замка. Приезд дяди, которого она не видела почти десять лет, насторожил женщину.

Спустя полчаса Саймон уже сидел в просторной столовой и уплетал за обе щеки вкусные булочки.

– Что делается! Что делается! – говорил он. – Я был в Кенте и Эссексе, кругом творится один и тот же кошмар. Мужики убивают дворян, стряпчих и комиссаров. Не дай Бог попасться к ним в лапы человеку с чернильницей у пояса, эти звери разорвут его в клочья. Они давят всех нас, как клопов. Мой замок подвергся нападению. Если бы не быстрый конь и ночная мгла, не видать мне удачи в бегстве.

Саймон выпил целый кубок эля залпом и лишь после этого продолжил:

– Так что, моя дорогая племянница, плохи наши дела. Сколько страху я натерпелся, пока добирался до лондонских предместий. Сердце мне подсказывает, что и здесь мы не в безопасности. Вскоре эта рвань дойдёт сюда... Завидую я Льюису, что не видит он сейчас всего этого упадка. Ох, завидую! Где же такое видано, чтобы мужичье кидалось на своих господ? Куда ты катишься, мир? Видит Бог, не сдержат их нашему Ричарду у Лондонских стен. Король слишком молод. Лорд и не подозревал, что эти слова окажутся пророческими...

Кентцы и эссескцы в один день, двенадцатого июня, подошли к столице английского королевства. Эссескцы спустились с северо-восточной стороны, у Олдгетских ворот, и остановились в предместье Мейл-Энд, а кентцы подошли со стороны Блэк-Гиза. Для переговоров с бунтарями выбрали трёх очень уважаемых в городе купцов: Джона Фреша, Адама Кэрлейля и Джона Горна. А ещё перед восставшими предстал сам король. Он в сопровождении лорда-примаса и стражников подплыл к ним на лодке. Старики, сражавшиеся под Кресси, ещё помнили короля Эдуарда в молодости и видели в Ричарде его продолжение. А те, кто сражался в свое время под знаменами «Черного принца», видели в Ричарде отца. Но Ричард был ещё молод, и пока не обладал той храбростью, какая была у отца и деда. Он впервые видел свой народ так близко. Заметив волнение короля, лорд-примас приказал гребцам возвращаться, поскорее скрыться от разъярённой толпы.

Повстанцы обрушали весь свой гнев на замки и поместья господ. Дворяне пытались укрыться в стенах Лондона. Крестьяне жгли дома и земли, убивали хозяев. Многие в те страшные дни пожалели, что в их жилах текла голубая кровь. Хуже всего пришлось поместьям, в которых не было мужчин: они либо воевали во французских землях, либо сложили там свои головы. Обалдевшие от роскоши крестьяне тащили с собой всё, что только могли унести. Такая же участь, несомненно, ждала бы и Фиджеральд Парк, если бы в его сте-

нах не расположился отряд под командованием графа Альфонса. Рыцари пережидали в замке покойного боевого товарища беспокойные времена, набирались сил после похода во Францию. За стенами всё чаще раздавались крики:

– Эй, господа! Что вы попрятались в свои норы, словно жалкие крысы?! Рыцари, вы трусы! Позор!!!

Альфонс и его солдаты изо всех сил сдерживали натиски восставших. Бедняки, сметающие всё на своём пути, столкнулись с силой воли рыцарей, которые дали клятву леди Исабель: они будут защищать замок до последнего вздоха, потому что оберегать женщин и детей – их долг перед Господом и людьми.

– Друзья мои! – обратился к братьям по оружию Вустер. – Мы должны отстоять Фиджеральд Парк в память о его хозяине. Надо показать этим мерзавцам, кто такие рыцари его величества короля Англии Ричарда Второго! Встанем же под знамёна! Часть солдат во главе со мной будут биться с ними за стенами замка. Вторая половина останется охранять крепость.

На этот призыв откликнулись почти все, в том числе и четырнадцатилетний Рафаэль. Его привлекало всё, что касалось войны, с неподдельным интересом он слушал рассказы графа Вустера о кровавых битвах. Граф очень подробно рассказывал об этих событиях, и юноша старался не упустить ни единой детали. В наивном юношеском сердце таилась одна заветная мечта – стать доблестным рыцарем и заслужить

наконец золотые шпоры, которые ещё никто из рода Фиджеральдов не смог получить. Во снах Рафаэль не раз видел себя верхом на боевом коне. Он жаждал расквитаться с теми, кто убил отца, теми, кто пытается сейчас осадить замок, теми, кто утверждал или утверждает, что Фиджеральды сплошь одни невежды и мерзавцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.